

НЕМЕЦКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ И СССР
В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(1933–1945 ГОДЫ)

С. Г. Алленов

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

В. А. Алленова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 апреля 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу немецких исследований истории России и СССР советскими историками в 1933–1945 гг. Авторы приходят к выводу об усилении антисоветского и русофобского аспекта остфориунга по мере укрепления нацистского режима и углубления идеологического и пропагандистского направления советской историографии в предвоенных и военных условиях.*

Ключевые слова: *остфориунг, Россия, Германия, историки, историография, исследования, рецензии.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of German studies of the history of Russia and the USSR by Soviet historians in 1933–1945. The authors come to the conclusion about the strengthening of anti-Soviet and Russophobic aspect of ostforschung with the consolidation of the Nazi regime and deepening of the ideological and propaganda areas of Soviet historiography in the pre-war and war conditions.*

Key words: *ostforschung, Russia, Germany, historians, historiography, research, reviews.*

Политические события минувшего столетия, слишком сильно влиявшие как на развитие немецкой историографии, так и на ее восприятие в нашей стране, стали причиной того, что диалог историков России и Германии изобиловал резкими, порой драматичными поворотами. Данная статья посвящена анализу одного из самых напряженных и критических периодов этих взаимоотношений. В новой обстановке, сложившейся после утверждения гитлеровского режима, в немецкой историографии стали усиливаться те элементы антисоветских и русофобских настроений, которые присутствовали в ней и раньше, но для которых была создана обильная питательная почва в связи с укреплением нацистской идеологии. Остфориунг превратился в орудие психологической мобилизации населения Германии в подготовке к агрессивной войне.

В свою очередь советская историография сразу же после прихода Гитлера к власти испытала острый соблазн представить всю немецкую историческую науку как целиком и полностью «фашистскую». Так поступал, в частности, С. Кан, указывавший, впрочем, не столько на ее новые, специфически «фа-

шистские» черты, сколько на известные положения Коминтерна об органическом произрастании фашизма из политико-идеологических структур буржуазного общества [1]. В качестве свидетельства «полной и окончательной фашизации» официальной исторической науки Германии Кан приводил апологетические высказывания ее представителей о внешней политике Л. фон Штейна и О. фон Бисмарка.

Однако, несмотря на подобные поспешные оценки, полного отождествления всей немецкой исторической науки с нацистским режимом в первые годы после его установления в советской историографии не произошло. Судя по решениям того же Коминтерна, принятым в 1933–1935 гг., террор, развязанный в ходе установления нацистской диктатуры, помог советским идеологам уяснить ее отличия от прежнего буржуазно-парламентского режима. Точно так же реалии нацистского господства заставляли советских историков обращать внимание на ту дистанцию, которая отделяла собственно нацистскую историческую публицистику от уважаемой буржуазной историографии. Во всяком случае, их критика немецких исторических исследований, в том числе в области российской и советской истории, некоторое время сохраняла относительно дифференцированный характер.

В 1934–1936 гг. «унификация» научной жизни Германии прослеживалась в советской исторической литературе достаточно обстоятельно для того, чтобы у читателя сложилось представление о далеко не автоматическом протекании этого процесса. Так, журнал «Историк-марксист» оперативно и регулярно сообщал о перестройке институционально-научного аппарата Германии и замещении старых ученых, таких как Гетч, преданными режиму кадрами. В Советском Союзе были услышаны и раздававшиеся в ученых кругах Германии голоса протеста (например, Г. Онкена) против вызванного этими процессами вторжения в немецкую историческую науку «ужасающего дилетантизма и тенденциозности» [2–4]. Отдавая должное «трезвому буржуазному реализму» немецкого профессора, Ерусалимский лишней раз подчеркивал тем самым авантюристический характер «новой» немецкой науки и политики.

Эту драматичную картину дополняли столь же регулярные сообщения журнала «Историк-марксист» о деятельности немецких историков в эмиграции. Их трудам по русской истории была посвящена постоянная рубрика, содержащая специальные библиографические обзоры [5], а также отдельные, как правило, хвалебные рецензии. Вследствие дефицита информации в эти обзоры могли вкрадываться ошибки. Так, в одном из них к представителям немецкой антифашистской эмиграции был ошибочно причислен видный деятель судето-немецкой социал-демократии Э. Францель [5, с. 171].

Впрочем, поначалу благосклонную реакцию в СССР могла вызвать не только работа эмигранта К. Керстена о Петре Великом (несмотря на скудную источниковую базу, эта работа получила в целом высокую оценку рецензента, увидевшего в ней первый немецкий аналог советских описаний «жизни замечательных людей») [6], но и опубликованная в «третьем рейхе» книга Э. Шуле об истории русско-французских отношений [7]. Хотя С. Кан и указывал на тенденциозность этой работы, призванной доказать изначальную непрочность заключенного в конце XIX в. русско-французского союза, он признавал, что привлечение новых французских источников позволило ее автору раскрыть подоплеку сближения двух держав.

В то же время резко отрицательные высказывания советских авторов о новейших немецких исторических изысканиях не обязательно диктовались исключительно неприязнью к нацистскому режиму. Так, в 1936 г. Н. Рубинштейн, утверждая в рецензии на третий том «Истории России» Штелина, что автор «не внес в изучение русской истории ничего нового», объяснял данный факт приверженностью немецкого историка «старой традиции буржуазно-дворянской историографии» [8]. К недостаткам книги Штелина Рубинштейн отнес идеализацию императоров Алек-

сандра I и Николая I, а также их политики, направленной на укрепление дружбы России и Пруссии. Правда, на фоне набравших силу в немецкой историографии русофобских тенденций обвинения немецких авторов в идеализации российской политики выглядели уже явным анахронизмом. Таким образом, его собственная оценка не выходила за традиционные рамки марксистско-ленинской критики подобных исследований.

И все же в середине 1930-х гг. советские историки все чаще вынуждены были констатировать факты добровольного сближения немецких коллег с нацистским режимом. Симптомы такого сближения усматривались не только в прямых политических декларациях или выражениях приверженности расовой доктрине. С одной стороны, о «фашизации» взглядов немецких историков свидетельствовал лавинообразный рост их откровенно неприязненных высказываний о российском прошлом и советском настоящем, а с другой – их отказ от научного детерминизма в пользу иррационализма, волонтаризма и антиинтеллектуализма. Так, В. Хвостов обращал внимание на созвучия высказываний немецких профессоров ранга Г. Онкена или Й. Галлера и нацистской прессы, сделанных в связи с двадцатилетием начала Первой мировой войны. Признавая, что работы этих историков свободны от тех «комичных нелепостей», которыми пестрит нацистская публицистика, он все же отмечал их шовинистическую направленность и стремление оправдать агрессивную политику Германии [9]. Имея в виду подобные тенденции, Н. К. Лукин заявлял в 1934 г., что положить конец историческим измышлениям фашистов сможет «не вырождающаяся буржуазная профессура, но только пролетарская революция, которая выметет из Германии как фашистских “теоретиков”, так и их либеральных оппонентов» [2, с. 22–23]. Процесс «фашизации» немецкой историографии российской истории вел и к радикальной переоценке ее прежних достижений. Так, признанный ранее в Советском Союзе образцовым труд Гетца о «Русской правде» теперь характеризовался М. Тихомировым как «большая и тщательная компиляция» [10, с. 141].

Таким образом, к концу 1930-х гг. в советской критике утвердилось представление о современной немецкой историографии как целиком и полностью «фашистской». В 1939 г. Ф. И. Нотович, выступивший редактором сборника «Против фальсификации истории германскими фашистами», писал о «колоссальных заслугах» немецкой «шовинистической профессиональной историографии» перед фашизмом: «За короткий срок фашисты, в особенности германские, развили на историческом фронте бешеную активность. Они пытаются, хотя бы наспех, хотя бы в самой грубой и примитивной форме, “перекроить” истори-

ческую науку под углом зрения оправдания фашистских пакостей в настоящем и обоснования новых актов захвата и насилия над народами в ближайшем будущем... Борьба с этой опасной реакцией в науке – актуальнейшая задача всей современной и в первую очередь советской исторической науки» [11, с. 17].

Важной составной частью развернутой на страницах сборника борьбы против фашистской историографии его авторы считали «беспощадное раскорчевывание троцкистско-бухаринских извращений в области исторической науки» [там же, с. 4]. В числе «право-троцкистских выродков», от которых предстояло очистить «фронт советской исторической науки», назывались уже уничтоженные к тому времени Ц. Фридлянд и Д. Дубровский [12, с. 296]. По мнению Ф. И. Нотовича, единственное различие между буржуазными профессиональными историками и фашистскими авторами заключалось в том, что первые, фальсифицируя факты, соблюдали осторожность, а вторые возвели подобные искажения в принцип. Впрочем, и эта разница была, согласно советским оценкам, давно преодолена. Ярлык «фашистских историков» теперь получали и профессора старой школы, в том числе Онкен и даже Гетч, чье исследование прусской «восточной политики» оценивалось как «злостная фальсификация» [13].

По мере приближения Второй мировой войны история немецкой «восточной политики» все ярвственнее выдвигалась в центр советской полемики с нацистскими историками. Любая позитивная оценка этой политики воспринималась советскими авторами как попытка обоснования «новых немецких захватов и злодеяний на Востоке» [11, с. 17, 20]. Поэтому соответствующие работы Унферзагта, Бракманна, Аубина или Ротфельса, касались ли они колонизации полабских земель или крестовых походов XIII в., ганзейской торговли на Балтике или дипломатической подготовки Первой мировой войны, подвергались с советской стороны жесткой и систематической критике [3; 12; 14]. При этом в первую очередь опровергались тезисы оппонентов об исконно немецкой принадлежности ряда территорий Восточной Европы, исключительно мирном характере немецкой экспансии в славянские земли и культуртрегерской миссии немецкой «восточной политики». От внимания советских авторов не ускользнули и новые атласы по немецкой истории, свидетельствовавшие, как показали Ц. Фридлянд и Н. Лазарев, о стремлении нацизма подкрепить свои экспансионистские замыслы сомнительными достижениями исторической картографии [15; 16].

В целом, можно заметить, что в 1930-е гг. внешнеполитические и геополитические изыскания нацистского «остфоршунга» привлекали более пристальное внимание советской критики, чем его ра-

систские или даже антикоммунистические компоненты [2; 17–19]. Это относится и к ключевому тезису нацистской пропаганды и «советологии» о «еврейском господстве в СССР». Любопытный пример советской реакции на этот тезис можно найти в статье Е. Драбкиной. Она утверждала, что попытки Л. Троцкого представить себя единственным руководителем и вдохновителем Октябрьской революции «льют воду на мельницу Гитлера», изображающего историю большевизма как историю «еврейского заговора» [20].

Борьба, развернутая советскими учеными на историческом фронте в преддверии войны, имела целью не только разоблачить агрессивные планы нацистской Германии, но и обосновать курс советского руководства на обеспечение безопасности СССР сначала дипломатическими, а затем военными средствами. Не случайно советские авторы указывали также на изначально антипольский и антилитовский характер немецкой «восточной политики». Так, в 1938 г. Н. Грацианский доказывал, что народы Прибалтики на протяжении всей своей истории могли успешно сопротивляться актам немецкой агрессии лишь в качестве русских союзников [21]. Таким же образом оценивалась и способность историков сопредельных государств противостоять враждебным измышлениям нацистского «остфоршунга». Еще в 1936 г. М. Джервис с известной долей сочувствия писал о том возмущении, которое вызывали у польских коллег соответствующие немецкие публикации. Однако он тут же добавлял, что буржуазные историки «конечно же не в состоянии» в полной мере раскрыть лживый характер этой писанины и что только историки-марксисты «способны достичь необходимых принципиальных высот в критике этих фашистских фальшивок» [22]. Спустя три года тот же автор прослеживал «немецко-фашистские тенденции» уже в самой польской историографии. Теперь она целиком изображалась не как беспомощный партнер в антифашистской борьбе, но как «идейный союзник Германии» в совместной подготовке антисоветской агрессии [23, с. 410].

Улучшение советско-германских отношений после подписания Пакта о ненападении 23 августа 1939 г. сопровождалось прекращением советской критики национал-социализма вплоть до 22 июня 1941 г. Этот поворот, вызвавший в Германии всплеск публикаций о российском прошлом, в том числе и исследований, свободных от русофобии и антисоветизма, привел в Советском Союзе к столь же резкому спаду интереса к деятельности немецких историков. В период, когда негативные отклики о немецком «остфоршунге» были исключены по политическим соображениям, советские авторы, уже отвыкшие давать положительные оценки каким-либо буржуазным исследованиям, предпочли хранить молчание.

Но, думается, это молчание было вызвано в первую очередь непреодоленным отвращением к нацизму, который продолжал определять положение дел в «остфоршунге», а также предчувствием того, что решающая схватка с ним еще только предстоит. Одним из редких откликов на немецкие исторические изыскания, лишь оттеняющим деликатность ситуации 1939–1941 гг., была рецензия С. Богоявленского на работу Г. Заке, напечатанная перед самым началом Великой Отечественной войны. Объем этой рецензии был примерно в десять раз меньше, чем это было принято для публикаций подобного рода. Основаниями для ее появления служили, по-видимому, просоветские симпатии Заке, которые он не скрывал даже в первые годы нацистской диктатуры, а также введение им в научный оборот нового источника – письма графа А. П. Шувалова Вольтеру от 20 ноября 1771 г. с заказом написать статью, оправдывающую политику Екатерины II в польских делах [24, с. 123]. Этим, впрочем, по мнению С. Богоявленского, исчерпывается ценность исследования, которому рецензент отказал в новизне, указав к тому же на некоторые фактические ошибки.

После нападения гитлеровской Германии на СССР основные усилия советских историков были направлены на идеологическое противоборство с агрессором. В этой борьбе им приходилось выступать прежде всего в роли пропагандистов. Тональность и содержание их откликов на немецкие исторические изыскания в годы войны определялись, с одной стороны, необходимостью раскрытия преступной сущности нацизма и морально-психологической мобилизации советских людей, а с другой – плачевным состоянием немецкой историографии, превратившейся в простое «эхо» нацистской пропаганды. В этих условиях под прицелом критики оказывались уже не частные концепции российской истории, а основные постулаты нацистского мировоззрения, прежде всего его расово мотивированные антирусские и антиславянские компоненты. В ответ на стремление нацистов ослабить «морально-политическое единство» народов СССР советская критика оспаривала не только тезис о расовой неполноценности славянства, но и утверждения об арийском происхождении осетин [25].

Соответственно главными оппонентами советских ученых на историческом фронте теперь выступали не профессиональные немецкие историки, которые почти не упоминались в их критических публикациях, а ведущие нацистские идеологи, к числу которых наряду с А. Гитлером и А. Розенбергом постоянно причислялся О. Шпенглер. Своей дурной репутацией в СССР Шпенглер был обязан прежде всего работе «Годы решений». В нашей стране она была воспринята как призыв к «крестовому походу»

всего европейского «цивилизованного» мира против «азиатской» советской державы [2, с. 21–22; 26].

Впрочем, доказывая несостоятельность господствовавших в Германии исторических представлений, советские авторы по-прежнему не стремились выделять их специфически-«нацистское» содержание. Поэтому в лагерь «фашистских авторов» мог быть зачислен практически любой, в том числе и такой уважаемый историк, как Штелин, которому ставились в вину его попытки представить Россию азиатской державой [27, с. 17]. Штелин был единственным историком-профессионалом, который упоминался в данной статье наряду с ведущими идеологами нацизма, к которым причислялся также «певец расового безумия» Ф. Ницше. Тем более примечательно, что вплоть до конца войны нацистский антибольшевизм не получал в советской историографии попыток отпора, адекватных его месту в публицистике гитлеровского рейха или месту самого большевизма в системе господствовавших в СССР и подлежащих защите ценностей. Военные злодеяния гитлеровцев и ужасы их оккупационной политики вели к тому, что советские опровержения нацистского тезиса о расовой неполноценности русских могли иногда приобретать не только антифашистское, но и антинемецкое звучание [28].

Особенно отчетливо эта тенденция обозначилась в изданном в 1945 г. в серии «Ученые записки МГУ» сборнике статей «Преступления фашистов против исторической науки» под редакцией профессора С. К. Бушуева [29]. В нем видные советские историки разоблачали фальсификации немецких историков по разным направлениям историографии, но программная статья представляла собой вердикт, в котором нацизм обвинялся в отрицании русского вклада в мировую культуру, игнорировании национальных корней российского государства и русской культуры, а также героической традиции многовековой борьбы русского народа за свободу и независимость. Как подчеркивал ее автор С. К. Бушуев, эта ложь служила прямому оправданию агрессивной и грабительской политики фашизма в отношении СССР [27, с. 17]. Попыткам нацистов приписать все позитивные явления российской истории немецкому влиянию он противопоставил тезис о врожденной агрессивности и жестокости немцев. Он доказывал, что влияние, оказанное «отвратительным немецким элементом» на российскую историю, заключалось лишь в том, что немец в России – будь то дворянин, предприниматель, учитель, чиновник или военный – всегда выступал «самым бессердечным притеснителем», «самым безжалостным педагогом», «самым тупым администратором» и т. п. Примечательно, что в своих рассуждениях об этих «врожденных свойствах» немецкого характера автор опирался не только на соот-

ветствующие пассажи из произведений классиков русской литературы (в данном случае М. Е. Салтыкова-Щедрина), но и на антинемецкие высказывания английских и французских публицистов. Так на новом витке истории повторилась ситуация, уже имевшая место в годы Первой мировой войны. Однако к чести советской историографии следует отметить, что германофобские мотивы смолкли в ней раз и навсегда тотчас после краха нацистской Германии.

Таким образом, анализ откликов отечественных историков на проводившиеся в Германии исследования российской и советской истории дает представление не только о научных достижениях, но и о потерях, зачастую связанных с личными драмами историков обеих стран. В настоящее время можно, хотя и задним числом, предположить, какое значительное число интереснейших трудов немецких исследователей в этой области остались в нашей стране неизвестными. К сожалению, неизвестно, сколько непредвзятых исследований российской истории так и не вышло в свет в нацистской Германии и сколько таких же работ о немецкой историографии не смогло появиться в СССР. Очевидно лишь то, что диалог российских и немецких историков был плодотворен лишь в те периоды, когда между нашими странами царил дух взаимопонимания. Возможности достижения этого взаимопонимания, как, впрочем, и его утраты, не в последнюю очередь зависят от тех же историков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кан С. Навстречу Гитлеру («Historische Zeitschrift» за 1932 г.) / С. Кан // Историк-марксист. – М., 1933. – № 6. – С. 129–137.
2. Лукин Н. К вопросу о фашизации исторической науки в Германии / Н. Лукин // Историк-марксист. – 1935. – № 2–3. – С. 13–23.
3. Фашизация исторической науки в Германии // Историк-марксист. – 1936. – № 2. – С. 178–182; № 3. – С. 198–200; № 4. – С. 166–168; № 5. – С. 202–203; № 6. – С. 256–257; 1937. – № 2. – С. 201.
4. Ерусалимский А. С. Судьба профессора Гетча / А. С. Ерусалимский // Правда. – 1935. – 11 июня.
5. Историческая литература немецкой эмиграции // Историк-марксист. – 1936. – № 2. – С. 182; № 3. – С. 203–204; № 4. – С. 171; № 6. – С. 261; 1937. – № 1. – С. 203.
6. Оспос Ю. Рец. на кн.: Kurt Kersten. Peter der Grosse. Vom Wesen und von den Ursachen historischer Groesse. Amsterdam, 1935 / Ю. Оспос // Историк-марксист. – 1937. – № 2. – С. 165–167.
7. Кан С. Рец. на кн.: Schuele Ernst. Russland und Frankreich vom Ausgang des Krimkrieges bis zum italienischen Krieg 1856–1859. Koenigsberg, P. und Berlin, 1935 / С. Кан // Историк-марксист. – 1936. – № 3. – С. 164–165.
8. Рубинштейн Н. Рец. на кн.: K. Staehlin, Geschichte Russlands von den Anfaengen bis zur Gegenwart. Bd. III / Н. Рубинштейн // Историк-марксист. – 1936. – № 5. – С. 154–156.
9. Хвостов В. Фашистская пресса Германии о двадцатилетии мировой войны / В. Хвостов // Историк-марксист. – 1934. – № 6. – С. 84–87.
10. Тихомиров М. Русская Правда (к 200-летию открытия памятника) / М. Тихомиров // Историк-марксист. – 1938. – № 5. – С. 138–155.
11. Нотович Ф. И. Предисловие / Ф. И. Нотович // Против фальсификации истории германскими фашистами : сб. статей. – М. ; Л., 1939. – С. 17–20.
12. Нотович Ф. И. Фашистская историография о «виновниках» мировой войны / Ф. И. Нотович // Против фальсификации истории германскими фашистами : сб. статей. – М. ; Л., 1939. – С. 280–409.
13. Джервис М. Исторические отношения Польши к Германии в освещении германских историков / М. Джервис // Историк-марксист. – 1936. – № 3. – С. 144–147.
14. Грацианский Н. П. Немецкий «Drang nach Osten» в фашистской историографии / Н. П. Грацианский // Против фальсификации истории германскими фашистами : сб. статей. – М. ; Л., 1939. – С. 135–155.
15. Фридланд Ц. Поджигатели войны (Рец. на кн.: Atlas zur deutschen Geschichte der Jahre 1914–1933) / Ц. Фридланд // Борьба классов. – 1934. – № 9. – С. 91–92.
16. Лазарев Н. Историческая картография на службе германского фашизма / Н. Лазарев // Историк-марксист. – 1938. – № 5. – С. 190–201.
17. Тарле Е. «Восточное пространство» и фашистская геополитика / Е. Тарле // Историк-марксист. – 1938. – № 2. – С. 89–105.
18. Соколова А. О преподавании истории в фашистской Германии / А. Соколова // Борьба классов. – 1934. – № 5–6. – С. 63–76.
19. Бернадский В. О «германоведческом» течении в методике истории / В. Бернадский // Борьба классов. – 1934. – № 5–6. – С. 77–83.
20. Драбкина Е. Как фальсифицируют историю / Е. Драбкина // Борьба классов. – 1933. – № 2. – С. 55–77.
21. Грацианский Н. Немецкая агрессия в Прибалтике в XII–XV вв. / Н. Грацианский // Историк-марксист. – 1938. – № 6. – С. 87–111.
22. Джервис М. Исторические отношения Польши к Германии в освещении германских историков / М. Джервис // Историк-марксист. – 1936. – № 3. – С. 138–139.
23. Шустер У. А. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / У. А. Шустер, М. В. Джервис // Против фальсификации истории германскими фашистами : сб. статей. – М. ; Л., 1939. – С. 410–445.
24. Боявленский С. Рец. на кн.: Sacke Georg. Die Pressepolitik Kathrinas II. von Russland («Zeitungswissenschaft»), Leipzig, 1938. Heft 9) / С. Боявленский // Историк-марксист. – 1941. – № 6. – С. 120–128.

25. Кокиев Д. Об одной фальсификации истории / Д. Кокиев // Исторический журнал. – 1944. – № 2–3. – С. 43–47.

26. Преображенский П. «Закат Европы» и «восход» фашизма / П. Преображенский // Историк-марксист. – 1933. – № 6. – С. 153–157.

27. Бушуев С. К. Фашистская фальсификация истории СССР / С. К. Бушуев. – Сталинабад : Госиздат Тадж. ССР, 1942. – 23 с.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»

Алленов С. Г., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

E-mail: allenov.sg@gmail.com

Воронежский государственный университет

Алленова В. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения

E-mail: allenova.va@gmail.com

28. Бушуев С. К. Фашистская фальсификация истории / С. К. Бушуев. – Свердловск, 1943. – 59 с.

29. Преступления нацистов против исторической науки : сборник исторического факультета / под ред. С. К. Бушуева. – М., 1945. – 163 с. – (Ученые записки МГУ 1945. Серия историческая. Вып. 81).

Military Training and Research Center of the Air Force «Military Air Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin»

Allenov S. G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Associate

E-mail: allenov.sg@gmail.com

Voronezh State University

Allenova V. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian History, Historiography and Documentation

E-mail: allenova.va@gmail.com